

13 МАР 1975

ТЕАТР

привлекала человеческая трепетность...

— Но когда видишь ваших героев на сцене, чаще всего вспоминаешь шекспировское «Я должен быть жесток, чтоб добрым быть». Своих героев вы не жалеете, лепите их жестко, сгущая слабости, резко выделяя смешное, подчеркивая уродливое.

— Меня не страшит гиперболическое преувеличение, так как за ним всегда — реальность человеческой природы.

Рисунок роли может быть очень обыденным, если нужно показать опасность, притаив-

лам, как по экватору, шагает удручающе однообразный строй солдат. Еще недавно это были молодые и старые, блондины и брюнеты, по-разному живущие, любящие и ненавидящие. Но вот под мерный бой барабана им надели каски и одинаковые сапоги. И они одинаково взмахнули рукой. А вы по мгновенной ассоциации видите уже не их, а кадры из документального фильма «Обыкновенный фашизм»...

Строй рассыпался. И три бродячие каски появились на

му?». Это смех неприятия у одних. Другие наверняка смеются, не задумываясь. Но чтобы смех пробудил мысли после спектакля, нужно трагедию человека с приторможенным биением сердца, покорного и послушного, похожего на очень многих, сыграть выпукло и ярко.

— У Аполлинера есть стихотворение «Холмы», главная мысль которого: чтобы видеть и двигаться вперед, надо обогреть и близи, и дали с канихто выше, подняться на перевал. Какой спектакль, маня роль стала для вас таким перевалом и почему?

— «Старик». По одноименной пьесе М. Горького на сцене театра имени Чехова. Играл Харитонов. Разрушителя, натуру изломанную, яростную, продающую все и вся, ликующего от алчности. Играл один-два раза в месяц несколько лет. И каждый следующий спектакль для меня становился праздником. К нему готовился каждый раз тщательно, находил все новые грани и краски. Любил творческую атмосферу зрительного зала, создаваемую этим спектаклем. Ведь он был направлен на утверждение идеалов гуманизма, против ненависти в человеческих отношениях, против лжи, культа, страдания. Тема добра звучала мощно и сильно, пронизывала весь спектакль. Он был, на мой взгляд, вообще достойной темой. Драматургия Горького сильна и глубока: она много, чрезвычайно много дает уму и сердцу актера.

А когда пришел к ролям в чеховском репертуаре, понял, что со «Старика» начался новый период. Закончилось время интуитивных поисков своей темы...

В работе над чеховскими ролями — Чебутыкиным в «Трех сестрах», Шабельским и Косых в «Иванове», Серебряковым в «Дяде Ване» — качества мои как-то иначе определились. Раньше любил яркий внешний рисунок. Теперь появилась потребность в психологической точности характе-

ристик, большую роль стали играть детали, полутона.

Но духовный опыт, приобретенный от соприкосновения с драматургией Горького и особенно Чехова, и все, что было накоплено в эксцентрических и сказочных ролях, соединились впервые в роли Золотуева, мещанина, стяжателя, смысл жизни которого в узкой утилитарности: «мой домик», «мой садик», «мой доход»... Это было «Прощание в июне» А. Вампилова. Мне тем более приятно вспоминать этот спектакль, что на премьере был автор...

— Страфарель, кавалер де Рипофратт, граф Нулин, Незнамов... Список ролей классического репертуара можно продолжать. За ними большая школа актерского мастерства, история души человечества. В работе над современным репертуаром вам пригодились этот опыт?

— Главное — насколько серьезно и глубоко поставлена та или иная проблема в пьесе, а не в степени злободневности событий. Настоящее всегда труднее понять, мир современника труднее осмыслить. Зато в современных пьесах острее и четче выражается социальная позиция актера.

В спектакле Шатрова «Большевики» я играл одного из народных комиссаров, секретаря Президиума ВЦИК Енукидзе. Был потрясен личностью неисчерпаемой, наделенной огромным чувством ответственности за судьбы государства. Это была одна из тех ролей, о которых мечтает каждый актер. Как о роли, в которой раскрылись бы профессиональные возможности, душа, отношение к миру, людям... После такого образа ряд последующих ролей актера носит его отпечаток...

Актер Григорий Яковлевич Маркович в течение многих лет почти каждый вечер выходит на сцену. В последние годы это сцена театра юного зрителя имени Ленинского комсомола. И всегда он играет так, словно именно эта встреча со зрителем первая и единственная...

С. БОНДАРЕНКО.

Я ДОЛЖЕН БЫТЬ ЖЕСТОК, ЧТОБ ДОБРЫМ БЫТЬ...

шуюся за привычным. И можно позволить любую степень эксцентриады, если в ней сконцентрировано жизненное явление. Нарушение гармонии меня привлекает больше, чем сама гармония. Точнее, причины несоответствия человеческой личности и жизненных обстоятельств. Волнует тема протеста против подавления личности, в каких бы формах она ни проявлялась.

В одном из последних спектаклей, «Бравом солдате Швейке», есть три элизодические разноплановые роли. Но для меня они — три вариации на одну тему... Через весь земной шар, расколотый войной попо-

сцене. Первая — обыватель Паливец, яростно не желающий вмешиваться в политику. Благодаря его позиции, с его молчаливого согласия сладчайше вкрадчивый тюремный врач Грюнштейн получает возможность морально уничтожить себе подобных. Третья персонафицированная каска дана уже как продукт уничтожения. Это обезличенный, тупой и забытый вахмистр Фландерка. Всех троих единит их полная бездуховность. А она всегда жестоко мстит человеку.

Во время спектакля часто раздается смех. Особенно после недоуменных вопросов Фландерки: «Зачем?», «Поче-

— В понедельник на вашем творческом вечере, Григорий Яковлевич, много было сказано о многоплановости вашей актерской личности, о способности к мгновенному перевоплощению, о рыцарском служении театру. Но прежде всего о вас говорили как об очень молодом актере, дающем младшим по возрасту коллегам заряд молодости и оптимизма, и очень добром. И основным мотивом вашего творчества тоже определили доброту.

— Да, по-видимому, это так, хотя о себе говорить нелегко. Но доброта не только моя тема. Это еще и условие моего существования. Во время спектакля особенно я ценю добрых и чутких партнеров. Иначе мне трудно работать. Я «зажимаюсь». И в жизни особенно ценю добрых. А вот на сцене почти не играл положительных героев.

В театр я пришел, мечтая о Сирано. Шестнадцатилетний мальчишка, я был уверен в своих выдающихся способностях. Это было перед войной. Незабываемое время. Миллионы людей впервые открывали Некрасова и Толстого. Газеты посвящали полосы Пушкину. Театры были переполнены. И возможности театральной трибуны казались неограниченными. Ведь звуковое кино делало первые шаги, телевидения не было. Влюбленный в театр, с небольшим опытом в самодельности, я поехал в Москву и поступил учиться в Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского. Дышал воздухом Тарханова, Бибикова, Судакова, Боголюбова. Великолепное созвездие имен! После окончания приехал в Таганрогский драматический театр имени А. П. Чехова в пору его расцвета. За 18 лет работы в этом театре много было интересных ролей, были проходные. И все эти годы мечтал сыграть Фальстафа. Это самая яркая мечта. И еще всегда